

УДК 321.01, 342.3

А.Д. Уханов

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Современная трансформация государственного суверенитета*

Суверенитет выступает качественной характеристикой государства, традиционно определяясь как способность государства осуществлять самостоятельную, независимую и целостную внешнюю и внутреннюю политику. Однако современность ставит под сомнение смысловое ядро этого понятия. Так, многообразие общемировых и региональных процессов приводит к необходимости концептуального пересмотра суверенитета. Автор считает, что трансформация современных институтов государственной власти происходит под воздействием глобализации и унификации пространства, вызывающих изменения традиционных статусов политических акторов в качестве суверенных государств. Снизить эффект непредсказуемости в развитии будущего сценария властных отношений позволяет теоретико-методологический анализ суверенных качеств и социокультурных предпосылок трансформации суверенитета. В исследовании моделируются как направления концептуально-правовой реинтерпретации суверенных качеств, так и практические последствия таковых.

Ключевые слова и словосочетания: суверенитет, качественные характеристики, глобализация, унификация, социальное моделирование, теоретико-методологические подходы.

A.D. Ukhanov

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Contemporary Transformation of State Sovereignty

Sovereignty appears qualitative characteristic of the state is traditionally defined as the state's ability to carry out independent, independence and integrity of domestic and foreign policy. However, the present casts doubt on the core meaning of the concept. So the variety of global and regional processes, makes it necessary to review the concept of sovereignty. The author believes that the transformation of the modern institutions of government takes place under the influence of globalization and unification of space, causing a change status of traditional political actors as sovereign states. To reduce the effect of unpredictability in the development of future scenario of power relations allows the theoretical and methodological analysis of the sovereign attributes and socio-cultural preconditions for the transformation of sovereignty. The study areas are conceptually modeled as legal reinterpretation sovereign qualities, and the practical consequences thereof.

Keywords: sovereignty, the qualitative characteristics of globalization, unification, social modeling, theoretical and methodological approaches.

Уханов Антон Дмитриевич – студент Института права направления «Юриспруденция»; e-mail: vin-chun.95@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6 «Архетипические (социокультурные) основания российской публично-властной организации и ее эволюция в XXI веке».

К началу XX века в государственно-правовой теории и практике сложилось устойчивое представление о государстве как суверенной политико-территориальной организации публичной власти, осуществляющей самостоятельно в пределах определенной территории организацию и управление всеми основополагающими социальными процессами (экономическими, политическими, культурными и др.), народонаселением благодаря ряду монополий (установление общеобязательных норм, формирование армии и легальное применение насилия) и специальному административно-карательному аппарату.

Как известно, сущность любого социального явления, в том числе и института государства, характеризует (описывает) ряд сущностных (имманентных, присущих только этому явлению) признаков, позволяющих отличить, например, государство, право, власть от всех иных явлений. *Условно* признаки государства можно *аналитически* разбить на две группы:

– *первичные*, наиболее фундаментальные, присущие государству с момента зарождения самых первых раннеклассовых государств и сохраняющиеся до сих пор. Эти признаки отличают государство от родоплеменной организации, показывают процесс его формирования и развития [1] – это публичная власть, территория, налоги и население;

– *вторичные*, также имманентные (присущие) институту государства признаки, отличающие его от иных политических институций: суверенитет, монополия на принятие общеобязательных норм, формирование армии, легальное применение насилия, государственно-правового принуждения и символика и др.

Представляется, что из вторичных характеристик «ключевой характеристикой в понимании его (т.е. государства – А.У.) сущности и конституционно-правового назначения выступает «суверенитет» [2. С. 203]. При этом сам суверенитет как неотъемлемая качественная характеристика (признак) современного государства определяется как «способности юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер» [3. С. 460].

Официально в Постановлении Конституционного суда РФ было отмечено, что «суверенитет, предполагающий *верховенство, независимость и самостоятельность* государственной власти... представляет собой необходимый *качественный признак Российской Федерации как государства* (курсив мой. – А.У.)» [4]. Другими словами, суверенитет рассматривается именно как неотъемлемый, конституирующий признак российского государства, который и формирует реальность, а не «потенциальность» какого-либо государства.

Однако процессы конца XX века и начало нового тысячелетия внесли очередные коррективы в устоявшиеся представления о государстве и государственной власти, привели к кардинальному пересмотру всех существенных, определяющих черт суверенитета. Исследователи и практики стали искать дополнительные характеристики, уточняющие признак суверенности в контексте глобальных политических процессов, универсализации политико-правового развития, стандартизации социокультурной жизни различных общественных систем [16–18].

Гипотеза исследования: трансформация современных институтов государственной власти происходит под воздействием глобализации и унификации пространства, международно-правовой коммуникации, вызывая изменения традиционных статусов политических акторов в лице суверенных государств, что приводит к рискам и неустойчивости в развитии властных институтов. Снизить эффект непредсказуемости в развитии будущего сценария властных отношений позволяет теоретико-методологический анализ суверенных качеств и социокультурных предпосылок трансформации субъектов властных институций.

Отметим, что для современных юридических, политических и других общественных наук одной из ведущих становится проблематика [19–21] определения «будущего суверенитета» в условиях меняющейся под влиянием различных процессов (ведущим из которых, безусловно, выступает глобализация) государственно-правовой реальности.

Формирование идеи суверенитета. Идея суверенитета зародилась в политико-правовой мысли Франции и отсюда была заимствована для строительства реальных политических порядков, при этом ее возникновение можно справедливо рассматривать как логический ответ со стороны государства на чрезмерную политическую активность церкви. С конструированием Вестфальской системы (1648 год) суверенитет приобрел официальный (международно-правовой) статус, был формально закреплен и вышел за пределы теоретико-философских идей. Его основные параметры, определяющие качества были введены в область политических отношений, однако вопрос о природе (происхождении) суверенитета остался открытым. После того как гегемония церкви была «сброшена» с государств, началась эпоха «переназначения» в отношении таких связанных с суверенитетом категорий, как «источник» и «носитель».

Вплоть до середины XX века суверенитет трактовался в неизменном виде, именно как независимость государства во внешних отношениях и его верховенство во внутренних. Современность преподнесла ряд значительных изменений. Новые, разворачивающиеся в современности процессы и изменившиеся концептуальные подходы к анализу социальной действительности подвергают в различных исследованиях и интеллектуальных построениях пересмотру само содержание понятия «суверенитет».

Однако прежде чем перейти к анализу современного состояния суверенитета как политико-правовой категории и государственно-властной практики полезно и необходимо обратиться к дискуссии недавнего прошлого. Настоящая дискуссия является примером социального моделирования в духе «конструирования социальной реальности в каждом акте социального мышления». Дискуссия была посвящена международному праву и его роли в меняющемся мире, безусловно, что такая проблематика охватывала собой и суверенитет. Спор состоялся между немецким юристом и политологом Карлом Шмиттом и автором нормативистской теории права Гансом Кельзенем.

Наиболее последовательной и, вероятно, последней апологией идеи суверенитета, сильного государства и государственной власти стала позиция К. Шмитта к сущности, роли и функциональному назначению суверенитета.

Так, широко известно определение «суверена», данное К. Шмиттом, как лица, объявляющего чрезвычайное положение [5]. В условиях чрезвычайного положения государство считает переход с официальных правовых практик к действиям неформального характера невозможным в условиях обыденного функционирования общества. Сама возможность отказа от существующего права государством имеет место только в государстве суверенном и санкционируется легитимным сувереном. Истинное верховенство государства в сфере политических отношений или тотального политического [6] (всеобщей связи «друга – врага») определяется «отбрасыванием» с указания суверена всех сдерживающих подлинное политическое господство механизмов. Однако такое пренебрежение к нормам права, связывающим полновластную деятельность государства в нормальных условиях, призвано обеспечить метаюридические основания, из которых непосредственно и проистекает действующее позитивное право.

Суверенитет не мог рассматриваться и существовать отдельно от государства и принадлежать разрозненным гражданам. Именно суверенная диктатура, по мысли К. Шмитта, могла обеспечить стабильность общества, даровав ему возможность развиваться собственным культурно-цивилизационным путем, без «слепого» заимствования «враждебных» (в системе координат политического, т.е. «друг-враг») моделей властвования, ставящих в конечном итоге под сомнение традиционные институты заимствующей культуры. Вестернизация представлялась негативным явлением, требующим от суверенных государств при необходимости объявления чрезвычайного положения для сохранения собственных устоев и правопорядка.

Разработкой теоретико-концептуальных моментов относительно будущего суверенитета в реалиях меняющегося мира с либеральных и неокантианских позиций занимался оппонент К. Шмитта Ганс Кельзен. Для Кельзена сам по себе «суверенитет» в случае наличия неизбежно формирующегося международного права (международного правопорядка) является чем-то умозрительным, лишенным реальных оснований. Суверенное государство, т.е., по Кельзену, национальный правопорядок, может признаваться таковым лишь до момента отсутствия вышестоящего порядка, который заключается и устанавливается международным правом. Указывая на необходимость растворения национального правопорядка, Кельзен отмечает: «Международный правовой порядок должен стоять выше любого национального порядка, т.к. национальные правовые порядки находят основание своей действительности в международном правовом порядке» [7. С. 453]. Дальнейшая практика показала, что приведенная цитата стала своеобразной формулой для действий международного сообщества по легитимации суверенных государств, чей суверенитет существует постольку, поскольку признается со стороны вышестоящего права.

Настаивая на важности международного права, Г. Кельзен порывает с классической позитивистской позицией относительно сущности права, которая не допускает существования наднационального правового порядка и правовых норм. Напротив, в них исследователь видит полноценную альтернативу национальному праву: «чисто учение о праве показывает, что вполне возможно рассматривать международное право как реальное право, поскольку оно содержит все существенные элементы правового порядка» [7. С. 450]. Еще раз подчеркнем, что именно *право*, понимаемое в западном, одинаковом для всех, специфически рационалистическом стиле, его

требования и развитие во времени требуют отказа от устоявшегося представления о государственном суверенитете.

Таким образом, суверенитет переносится в плоскость мирового сообщества и отчуждается от национальных государств посредством международного права, которое в свою очередь легитимирует локальные правовые порядки.

Постсовременная трансформация суверенных качеств государственной власти. Постсовременный виток глобализации начинает оказывать определяющее значение на переустройство мира в глобальном масштабе после Второй мировой войны. Далее с усилением процессов правой унификации и политической стандартизации национальных государственно-правовых пространств наблюдаются значительные изменения, вызывающие в качестве главного последствия кризис суверенных государств и политико-правовой самостоятельности государственной власти, а также размывание национальной идентичности и этнополитического изменения публичных интересов. Сами же истоки глобализации следует, на наш взгляд, искать в общей логике исторического процесса. Так, отмечается, что процесс глобализации не является продуктом исключительно нашего времени, а свойствен, в той или иной мере и в разных качествах всей истории развития человечества [8. С. 54]. Поэтому глобализацию можно рассматривать как элемент истории, тенденцию к объединению, сближению и общению.

Суверенитет, по своему изначальному, классическому формату направленный на сохранение национально-культурной уникальности государственно-правового пространства, естественно, становится преградой на пути унификационной глобализации. Именно функциональное измерение суверенитета становится основой для призыва к его ограничению со стороны международного сообщества. Считается, что суверенитет отдельных государств не в состоянии обеспечить внутригосударственный порядок, который должен основываться на ценностях, представлениях о праве и справедливости западноевропейского образца.

Все основополагающие нормативные документы, составляющие систему международного права, пронизаны духом западноевропейской цивилизации, несут ее нормативно-ценностный «заряд», что в ряде случаев ведет к нивелированию и делигитимации национальных правопорядков и маркирует действия, допустимые внутри отдельного государства, как враждебные, идущие в разрез с общепризнанными принципами права. Однако под общепризнанными принципами права выступают преимущественно локальные, сложившиеся в границах относительно небольшого региона представления о праве и правовой регуляции, его месте в жизни социума. Такое право представляет интересы той национально-культурной среды, в пределах которой оно было сформировано и для целей которых оно функционирует.

В некоторых же цивилизациях право является дополнительным и преимущественно обусловливаемым иными доминирующими социально-нормативными регуляторами [9. С. 43]. Например, в мусульманских государствах право обусловлено религией, нормы которой предопределяют содержание всех иных ценностей и нормативных регуляторов.

Конечно, межгосударственные отношения должны регулироваться общим, единым правом, функцию которого и выполняет международное право.

Но последнее «является *институционализированой нормативной системой*, хотя она и институционализована в меньшей мере, чем государственные правовые системы (курсив мой – А.У.)» [10. С. 44]. Международное право должно в большей мере строиться и развиваться именно как отношения между государствами, имеющие нормативный характер, т.е. быть правилом поведения во внешних сношениях государств. Тем не менее отмечается, что «позиция государства сильно ослабла...» [10. С. 43] в свете глобализационных трендов и усиления роли международных неправительственных организаций.

Терроризм и суверенитет: разрушение суверенных государственно-правовых основ. Поводом для ограничения суверенитета и вмешательства международного сообщества во внутренние дела государства становится международный терроризм.

В современном глобалистическом контексте террористическими могут признаваться действия как неправительственных организаций, так и правительства отдельных суверенных государств. При этом оценка на «террористичность»/«нетеррористичность» проводится международным сообществом, рядом надгосударственных образований, которые «маркируют» различные действия организаций или правительств как вынужденные (например, восстановление территориальной целостности страны, допуская насилие и террор по отношению к гражданам), либо в качестве террористических (например, когда действия правительств не вписываются в международно-правовые рамки, цели и интересы ведущих держав и проч.). Здесь международный терроризм классифицируется на два вида – «государственный терроризм» и «транснациональный терроризм».

Безусловно, международный терроризм представляет собой глобальную угрозу, однако считаем, что в условиях современной международной политической обстановки имеет место подмена одного вида терроризма другим (определенная терминологически-понятийная игра, учитывающая интересы лишь определенных сильных государств, как на это указывали М. Хардт и А. Неггри), ангажирование смыслов таких процессов, как глобализация, интернационализация и проч. с целью продвижения имперской модели мирового правопорядка. Диалог и плюрализм формально легитимируются в межправительственных организациях, служащих фикциями и проводящими политику, выгодную крупным мировым политическим центрам (прежде всего, Европа, США).

Таким образом, суверенитет государства может быть ограничен под предлогом борьбы за мир, хотя за такими лозунгами может скрываться стремление более сильной державы распространить свой собственный суверенитет на чужую территорию, используя легальные способы, предусмотренные международным правом. Мы считаем, что только суверенитет «является основой международного взаимодействия, обеспечения «междугосударственной толерантности», а также внутривнутриполитической стабильности, реализации и защиты правокультурных, этнополитических и этнических прав и свобод» [2. С. 264].

В дополнение к этому можно заметить, что главной формой легитимации государства в обход традиционным, выделенным еще М. Вебером, становится международная легитимация, т.е. признание со стороны международного сообщества за некоторой политической общностью статуса суверенного государства. Можно считать, что такой подход противоречит сути государства как результату

объективного исторического процесса, проходящего в рамках определенной территории, потому как суверенитет является внутренним свойством государства, возникающим внутри самого государства в сфере властеотношений.

Стремление реинтерпретировать или вообще нивелировать суверенитет не ограничивается действием международных организаций, за которыми всегда стоят интересы национальных государств. Основную угрозу *суверенитету как явлению* представляет не международная система, состоящая из пока еще суверенных государств, а повышенная активность неправительственных организаций, составляющих в своей совокупности глобальное гражданское общество. Всевозможные торговые и некоммерческие, правозащитные, транснациональные и проч. компании и организации не имеют четкой принадлежности (кроме места регистрации) к территории какого-либо государства. Они в целом обслуживают разные интересы и рынки.

Таким образом, можно постулировать, что, *во-первых*, современный мир характеризуют такие процессы, как глобализация, вышедшая на новый уровень своего развития; *во-вторых*, доминирующей формой признания государств становится легитимация со стороны международного сообщества, обладающего условным глобальным суверенитетом; *в-третьих*, традиционные формы идентичности претерпевают кризис и сменяются вместе с национальными государствами новыми формами публичной организации; *в-четвертых*, на мировой арене в качестве полноправных политических акторов начинают играть роль различные негосударственные образования. Однако из сказанного выше можно заметить, что данные тенденции наиболее характерны именно для западной цивилизации, хотя и претендующей на обладание общецивилизационной формулой устройства общества, но не вмещающей в себя всего массива современных процессов, преподносимых с выгодных и характерных для запада позиций.

Современные проекты трансформации государственной власти и ее суверенных качеств. В завершение следует остановиться на области идей относительно будущего суверенных государств. В современной социально-политической философии выделяются три концептуальных подхода к оценке суверенных государств и государственной власти. И если проект Г. Кельзена уже практически реализован, то прогнозы, модели будущего по-прежнему являются открытыми и вступают друг с другом в «схватку» за ожидающую человечество социальную реальность. К таковым проектам относятся универсалистский, космополитический и прагматический [2. С. 310].

Универсалистский проект представлен мощными социально-политическими учениями, к которым относятся неолиберализм, неомарксизм и неонархизм. Каждую традицию объединяет взгляд на суверенное государство как на одну из возможных политических общностей, действующих наряду с другими. Происходит полный или частичный отказ от признака суверенитета, при этом государство хоть и сохраняется на политической арене, но перестает играть определяющую роль в политической системе и занимает место субъекта, подчиненного воле тотального гражданского общества, собранного из всевозможных элементов.

Так, представители современной марксистской мысли, развивая классические, ортодоксальные постулаты учения К. Маркса о гибели буржуазной (национальной)

государственности в связи с развитием производственных отношений и производительных сил, выдвигают в качестве новой формы политического общежития аморфные, амбивалентные «множества», возможные в качестве политического измерения коммунистической формации. Множества, строящиеся на концептуальной формуле «многих в качестве многих», взамен «из многих – единое» «не противопоставляются Единому, но заново его определяют» путем «индивидуации универсального, родового, разделяемого» [11. С. 17].

Неолиберализм, в отличие от классического либерализма, не видит в государстве «ночного сторожа» и временного учителя человечества, необходимого ему до момента созревания. Считается, что этап созревания и просвещения уже пройден, государство может занять более скромное место в системе общественных отношений. Государство становится элементом, обслуживающим нужды общества, согласно общественным запросам, не вторгаясь больше в область постановки задачи и политических целей. Государственная идентичность уступает место «конституционно-правовой», выходящей за рамки государственной территории и связывающей между собой постоянно изменяющиеся, усложняющиеся, самоорганизующиеся общности [12].

Неоанархизм, как и более ранняя анархическая мысль, является антигосударственной теорией. Современный анархизм в целом выступает против какой-либо властно-иерархической организации, в том числе государственной, т.е. в пределах этого учения стоит вообще отказаться от государства и государственной власти. Публичная организация строится на основе принципа ризоморфности, согласно которому любая общность становится внеструктурной, нелинейной и горизонтальной, что исключает саму возможность формирования властно-иерархических центров [13].

Космополитические проекты исходят из преодоления отдельными государствами собственных границ и общего сближения цивилизаций и локальных ценностей. Именно космополитические проекты являются подлинно глобализационными, призывающими к стиранию границ и всеобщей унификации. Все узконаправленные моменты, отдельные политико-правовые практики должны быть вытеснены из общего для всех мирового политического процесса, где нет места национальному государственному порядку. Государства должны быть свернуты, поглощены общемировыми структурами, к которым переходят основные функции государства по защите прав и свобод населения и поддержания планетарной безопасности. Суверенное государство признается отжившим институтом и отправляется на «свалку истории» [14].

Однако не все проекты выступают за сворачивание суверенитета. Так, **прагматический проект** исходит из социокультурной методологии. За каждым государством и правопорядком признается пространственно-временная и национально-культурная особенность, влияющая на восприятие глобализационных трендов. Считается, что глобализация не свернет национальное государство, а, наоборот, увеличит его функциональную нагрузку, сделает государственную власть ещё более сложным и многоплановым явлением. При этом государство по-прежнему будет оставаться центральным элементом политической системы как внутри своих границ, так и в международной системе.

Тем не менее подлинный суверенитет будет только у сильных государств, т. е. критерий «сила государства» выступает уточняющим для понятия «суверенитет». Только сильные государства смогут независимо определять вектор собственного дальнейшего развития, вступать на равных в диалог с иными государствами и конструировать общепланетарную систему международных отношений. Такие государства видятся в качестве центров многополярного мира, обеспечивающих стабильность в регионе и выражающих интересы целой группы государств на международных коммуникативных площадках.

Можно заключить, «что в настоящее время происходит разработка правовых конструкций и политических форм, *адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и перспективы их развития в космополитическом мире*, критериев и характеристик, типологизирующихся «суверенных качеств» государства, уточняющих их реальность, фактичность и т.д. (курсив мой. – А. У.)» [2. С. 315].

Таким образом, современная политико-правовая теоретическая мысль, внутригосударственные и международные отношения находятся на переломном моменте истории, где уже не действуют ранее актуальный методологический и категориально-понятийный инструментарий, применяемый для описания действительности [15]. В прошлом остаются ранее общепризнанные социальные практики и идентификационные параметры. В целом считаем, что на настоящий момент полноценно возможны только диалог суверенных государств и социокультурный обмен между ними в сфере международных отношений, а проекты постсуверенного мироустройства должны быть отодвинуты на неопределенное время в силу отсутствия объективных условия для отказа от суверенной государственности.

-
1. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/Pschsg/index.html>
 2. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев – М.: Юрлитинформ, 2013.
 3. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 2004.
 4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 10-П от 07.06.2000.
 5. Шмитт, К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – СПб., 2005.
 6. Шмитт, К. Понятие Политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. №. 1. – С. 67–95.
 7. Кельзен, Г. Проблема суверенитета / Г. Кельзен // Российский ежегодник теории права. – № 2. – 2009.
 8. Проскурин, С. Глобализация как фактор поляризации современного мира / С. Проскурин. – М., 2002.

9. Варламова, Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права / Н.В. Варламова // Российский ежегодник теории права. – № 1. – 2008. – С. 43–66.
10. Хук, М. ван. Право как коммуникация / М. ван Хук. – СПб., 2012.
11. Пауло, В. Грамматика множества: к анализу современной жизни / В. Пауло. – М., 2013.
12. Хабермас, Ю. Расколотый запад / Ю. Хабермас. – М., 2008.
13. Делёз, Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М., 2007.
14. Любашиц, В.Я. Феномен государства: структурно-функциональная методология анализа / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 2(29). – С. 63–71.
15. Мордовцев, А.Ю. Государственная власть в информационно-конфликтном пространстве: правовой механизм противодействия политическим манипуляциям в современной России на рубеже XX-XXI вв. / А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, М.К. Бухарина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 3(30). – С. 39–47.
16. Керимов, А.Д. О сильном государстве / А.Д. Керимов // Политика и право. – 2008. – №8.
17. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М., 2007.
18. PRO суверенную демократию: сборник. – М., 2007.
19. Носов, С.И. Суверенитет государства в условиях глобализации: новые угрозы и вызовы // Право и образование. – 2015. – № 3. – С. 103–111.
20. Глухова, А.В. Споры о государстве: методологический национализм versus космополитическая парадигма / А.В. Глухова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 1. – С. 65–77.
21. Зырянов, Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира / Е.П. Зырянов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 89–122.

© Уханов, А.Д., 2016

Для цитирования: Уханов, А.Д. Современная трансформация государственного суверенитета / А.Д. Уханов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 1. – С. 53–62.

For citation: Ukhanov, A.D. Contemporary Transformation of state sovereignty / A.D. Ukhanov // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2016. – № 1. – P. 53–62.

Дата поступления: 07.12.2015.